

PI 795959

Судья Сурожанов.

РЯБИНЫ ГРОЗДЬЯ.

СТОЙКО.

ОДНОГО

Судья С. А. Сурожанов

197

Сергѣй Стрибожичъ.

РЯБИНЫ ГРОЗДЬЯ.

С т и х и.

1795959

**ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина**

ВОЛОГДА.
Типографія П. А. Цеѣтова.
1916.

PC
C-85

KMU

ДОРОГОЙ МИЛЪ.

Посвященіе.

Пѣсни дола посвящаю
Я тому, кто въ сердцѣ носить
Грузъ суровый и тяжелый—
Отпечатокъ сѣверянъ.

Кто видалъ, какъ въ дымкѣ сизой,
Не прощаяся съ закатомъ,
Съ тѣмъ же солнцемъ торопливымъ
Зарождается восходъ.

Кто видалъ морошки заросль
На болотѣ поверхъ моху,
Между купой рѣдкихъ сосенъ,
Пряной ягоды янтарь.

Въ дѣтствѣ кто себѣ на шею
Изъ рябины ожерелье,
Какъ коралловыя бусы,
Усмѣхаясь, надѣвалъ.

Посвящаю пѣсни дола
Бѣлоликой сѣверянкѣ
Той, что въ дѣвахъ рая — перн
Зависть будить бѣлизна.

Сѣверяне, сѣверяне! Если пѣсни!
Если пѣсни!
Хоть на мигъ въ сердцахъ разгонять
Вамъ присущую суровость,
Тѣмъ на вѣкъ утѣшенъ я.

Молитва съверу.

Любимый съверъ! Суровый съверъ!
Молитвъ жаркой сына земли,
Какъ грозный свекоръ, сановный деверъ
Раснутой брата женъ внемли.

Я сталь безпутень, я сталь продаженъ,
Твой мракъ и холодъ легко забылъ.
О, если-бъ ты съ пятисотъ сажень
Мое паденье остановилъ.

Тамъ, гдѣ сошлись златыя зори,
Виталъ бы вѣчно туманомъ я.
О, птицы, скалы! О, рыбы, море!
Мои родные, мои друзья.

Твои сыновне ловилъ бы взоры.
Въ честь неба пѣсни въ тиши слагалъ.
Мнѣ безразличны людей укору
Среди пустынно нависшихъ скалъ.

Съверное...

Солнце, какъ чищенный щитъ,
Мѣднымъ сіяньемъ горитъ.
Сизая мутная мгла
Неба концы облегла.

Путь нашъ опасенъ, далекъ.
Геній науки завлекъ.
Манятъ громады вдали
Утлыя наши ладьи.

Илычъ—то жидкое дерево.
Что ширину его мѣряло
Гибкихъ притоковъ—вѣтвей.
Съ вѣтромъ не спорь, кто быстрѣй.

Синія скалы его стерегутъ.

Вотъ великанскій поистинѣ трудъ.

Въ высяхъ кудряво кучать облака.

Давитъ ихъ влагой сѣдая рука.

Стройныя двойни бѣгутъ береговъ,

Въ точку смыкаясь велѣньемъ боговъ.

Птицы и звѣри спокойно живутъ—

Горный, лѣсной имъ надеженъ пріютъ.

Мы, человѣки, къ нимъ въ гости идемъ.

Солнце ласкаетъ насъ блѣднымъ лучемъ.

Нѣтъ здѣсь ни ночи, ни утра, ни дней—

Сумерекъ отсвѣтъ опала нѣжнѣй...

Неизбъжное...

Между двухъ нависшихъ скалъ
Засіялъ воды кристаллъ.
Сквозь напруженныя тучи
Глянулъ солнца ликъ колючій.

Хмурить Хорсъ рудую бровь
На распаханную новь.

Было тихо, было дико
Емокъ былъ по Божьи сонъ.
Молоть взроетъ камень дикій.
Засвербитъ сиренный стонъ.

Первы птахи—старовѣры—
Не безъ пользы, но безъ мѣры,
Скалы синія надъ нами
Упечатали крестами.

Пелюдимъ—медвѣдь—шатить.
Старовѣръ ружье крестить.
У лисицы съ морды тонкой
Крестъ срываетъ отзвукъ звонкій.

Лайка лаетъ. Хорсъ тоскуетъ.
Онъ насилье злое чуетъ.
И докучливою думой
Передъ нимъ поморь угрюмый...

Болбан — Из...

Отъ грозы дымятся тучи.
Западъ пышетъ, какъ вулканъ.
На изломѣ горной кручи
Издавна стоитъ могучій
Остяковъ косыхъ болванъ.

Кровь у жертвенника слоюмъ
Напитала камень дикій.
И на немъ съ протяжнымъ воюмъ,
Съ странной пляской, съ бубнымъ боемъ
Камловаль шаманъ великій.

Въ Власовъ день стада оленей
Чуднорогихъ прибѣгали.
Не жалѣлъ шаманъ колѣней,
Въ кровяномъ чаду моленій
Богу жертвы возсылали.

А теперь, болванъ насытый
Шаманомъ стоитъ забытый.
Злое время камень точить.
Западъ полымемъ залитый
Гибель вѣщому пророчить...

Незабываемое.

Надъ рѣкою, надъ проклятой,
Облака нависли ватой.
Небо словно старый зонть.
Глухо-мраченъ горизонтъ.
Лодка вытянута къ берегу.
Мы готовимся къ ночлегу
Въ густой заросли травы,
Въ ноймѣ тнистой Ежвы.
Подъ кедромъ разбить шатерь;
Передъ нимъ трещить костерь
И, борясь съ дождя ударомъ,
Пышетъ лиственница жаромъ.
Харіусъ нѣжно розовагый
Дастъ ухѣ наваръ богатый.
Перцу, лавру, шишкѣ кедра
Тонъ задасть лимона кедра.

Сигъ снѣжится на эмалл.
Сами мы его поймали.
Сухари да масло прѣсно,
Сепьи цвѣтъ дадутъ чудесный,
Въ клюковный отваръ рубинный
Порошокъ вобъемъ невинный —
Даръ болотъ и даръ полей
Сойдятся здѣсь тѣснѣй.
Вызвалъ взглядъ у всѣхъ умильный
Сладкій сухарекъ ванильный
И съ лимонной кислотой
Чай душисто-золотой.
Ширь оконченъ. Конченъ ужинъ.
Отдыхъ намъ до завтра нуженъ.
Воздухъ хмѣленъ надъ лугами;
Емокъ сонъ подъ пологами;
До миллиарда выростая,
Комаровъ ярится стая.

Ч а ю щ и е ..

Длинноногій журавль на песокъ
Перья клювомъ править лѣнливо.
Мутныя струи текутъ по рѣкѣ
Густыя, какъ деревенское пиво.

Широта... Солнцемъ радужно искрится
водная пыль.

Мы—изгнанники отчаго дома—
Собрались потревожить минувшую былъ
Отзвучавшаго, перваго грома.

Май... Рабочій... Свобода... Ахъ! Сердце щемить
Безконечной отчизны изгоя,
Скоро-ль буйно могучь альбатросъ прилетить,
Вѣстникъ буйно побѣднаго боя.

И въ водѣ и на небѣ клубятъ облака...
Чуть звенить металлическо рѣка...

Альбатроса все нѣтъ. Ну, хоть ты, журавель,
Въ треугольникѣ мчась на свою конопель,
Протруби: „тамъ на сѣверѣ дикомъ средь мховъ
Неутомныя быются истомно сердца.
И куются на материнъ зовъ
Умъ мыслителя—руки борца...

Г о н и м ы е...

Къ морю! Къ морю! Гудятъ комары.
Къ морю въ лодкѣ плывемъ.
Серебрится снѣгами вершина горы—
Крутосклонно взлохмаченный взьемъ.

Темноцвѣтной япмой извились берега.
Накидалъ кто-то камни на дно.
Мѣсяцъ блѣдный на землю наставилъ рога.
Ночь-монашка—заткала густое рядно.

По приказу начальства гнались зыряки:
Мы отдались на волю рѣки.
Къ морю... сердце разбить
Къ морю... мѣру избыть
Міровой безысходной тоски...

Нашъ безумный товарищъ
въ припадкѣ оралъ.
„Перейдемте въ Сибирь за Уралъ“.
Но пугаетъ горы крутосклонный подъемъ—
Къ морю въ лодкѣ плывемъ.

Дунетъ Сѣверь. И лодка верхъ дномъ.
Разобьется морскимъ буруномъ.
Лучше смерть, лишь уйти отъ тоски
Сѣверянъ одинокихъ рѣки...

795959

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Весеннее...

Греза весны позабытая...
Садъ ароматный и скромный...
Небо грозою умытое...
Звѣздочка въ выси огромной...

Глазъ не свести очарованныхъ
Грустью весеннею смутной...
Съ облакъ въ дворцы заколдованныхъ
Силой волшебы могучей...

Шорохъ ручейный мнѣ видится...
Слышу, что кленъ блѣднозеленъ...
Пусть-же весна не обидится...
Ласкою царской я хмѣленъ...

Запахи пряные, жгучіе...
Тучка на небѣ забродная...
Стоны свирѣли тягучіе...
О! То — весна живородная...

Неключи́мое.

Солнце садится, въ румяныя тучи
закутавшись плотно.
День догораетъ, какъ въ полѣ пастушій
костерь.
Съ сѣвера облаки, словно солдаты-- по ротно.
Въ травахъ душистыхъ едва... притаилось
двѣнадцать сестеръ.
Всѣ онѣ обликомъ схожи, трясутся
и руки вздымаютъ,
Тонкимъ туманомъ свиваются, жалобно
стонуть совой.
Лѣшіе къ путникамъ ихъ, какъ авангардъ,
высылаютъ.
Взоръ ихъ, какъ ножъ. Путникъ! Завидишь
ихъ. Стой!
Помни въ юньскія трепетно бѣлыя ночи
Смертныхъ пытаетъ имать свѣтловолосая марь.
Тухнуть ихъ гнѣвныя, зоркія, сѣрыя очи
Въ день, какъ зажжется святого Ивана
фонарь.

Пожаръ лѣсной.

Окаемлень торфъ лукавымъ дымомъ —
Кое-гдѣ проскочатъ явыки.
Въ одиночествѣ уныломъ
Помутнѣла даль рѣки.

Смерть почуялъ боръ высокій.
Стонуть кронь густыхъ шары.
Рѣютъ въ дымѣ оморокн—
Бородатые мары.

Мигъ... и въ золотѣ багровомъ
Утонула гибкая сосна.
Кроетъ огненнымъ покровомъ
Зелень бора—желтизна.

Пали палевыя сосны,
Опаленыя огнемъ.
Слезы смоль душисто росны
Каплютъ ночью, каплютъ днемъ.

Канунъ осени.

Посвѣжѣло. Осень клены золотить.
Помелѣли облаками небеса.
На закатѣ кромка алостно горить.
На травѣ второй роса-ли не роса.
То вдругъ дождь забарабанить по землѣ,
То рассыплеть солнце вѣеромъ лучи.
Синь осинъ. Березъ бѣлосовать въ комлѣ.
На вѣтвяхъ въ отлетъ наладились грачи.
Инда выдастся туманно-свѣжій день.
Капли кануть сребровонко со стрѣхи.
Ядовитъ отравъ отваръ, зовомый лѣнь.
По весеннему заклохчуть пѣтухи.
Хорошо въ борокъ за рыжикомъ пойти.
Рыжъ онъ красенъ — пламенѣетъ, какъ огонь.
Побродить въ лѣсахъ безъ думы, безъ пути...
И домой вернуться поздно посолонь...

Осеннее...

Утромъ осенью хмурой,
На обабокъ на бурый,
Всползла улитка —
Рогата, не прятка.
А травка кругомъ склоняется
Густая осоки стѣна.
А улиткѣ глупо мечтается
Грибъ тронъ и царица — она.
Лукавый мальчикъ бродить по лѣсу.
Грибы собираетъ въ березкахъ.
Подниметъ вѣтокъ завѣсу
Всю въ янтарныхъ слезкахъ.
Видитъ грибъ онъ обабокъ,
Говоритъ разсудительнымъ тономъ:
„Хоть онъ тонокъ и слабокъ,
Въ пирогъ же годится соленомъ.“
Свергнуть тронъ. Погибла царица,
Мечтая о пышномъ пирѣ.
Ахъ! Это съ каждымъ можетъ случиться
Въ подлунномъ мѣрѣ...

П о з е м к а.

Сыплеть, сыплеть чистымъ—бѣлымъ
Жемчугомъ отборнымъ.

Дѣдъ труситъ пнейнымъ тѣломъ
Съ опошивомъ чернымъ.

Танцелетомъ рдится позоръ.
Подъ покровомъ озимъ.
Снѣгъ смететь Борея озоръ.
Съ дѣдомъ заморозимъ.

Лунно, тучно и морозно.
Въ репьяхъ чисто поле.
Въ полы шубы бьетъ озорно—
Будеть еще то-ли.

Хочешь спать. Мягка постеля,
На пуху одьяло.
Слѣдъ въ утрахъ мятель застелеть
И шиши пропало.

Солнце въ весну оволнится
Вереницей чередъ.
Рѣзко въ полѣ закостится
Пожелтѣвшій черепъ.

Л ъ с н о е...

По уклону мшистой балки
Разбѣжались фіалки.
Томнымъ заревомъ небесъ
Опаленъ еловый лѣсъ.

Боготѣни!.. Силы ада!..
Съ вѣтки свѣсилась дріада.
И играетъ съ вѣтромъ въ прятки
Сквозь волосъ зеленыхъ прядки.

Юный! смертный! Станъ обнимешь.
Поцѣлуй, какъ сливки снимешь.
Задрожалъ я, страстью пыша,
Тотъ любовный лепетъ слыша.

Красться сталъ я къ стволу ели,
Гдѣ глаза дріадъ горѣли.
Но увы! тумана свивы.
Нѣтъ дріады шаловливой.
Лишь за кустикомъ въ сторонкѣ
Раздается хохотъ звонкій.

Дочка льда—дриада злая—
Появляясь, исчезая,
Только издали манить
Бѣлизной своихъ ланить.

Тщетны смѣлыя попытки,
Чаровница тронуть пытки,
Созвала шести подругъ—
Я замкнулся въ тѣсный кругъ.

Будеть!.. Нѣтъ!.. Слуга покорный...
Изъ чащи пошелъ проворно.
Но навстрѣчу--вотъ досада—
Съ вѣтки свѣсилась дриада.

А по склону мшистой балки
Ароматъ кадятъ фіалки.
Соннымъ заревомъ небесъ
Очервленъ еловый лѣсъ.

Языческое...

Яркой солнечной повязкой
Опоясанъ богъ Ярило.
Въ разноцвѣтъ варяжской краской
Разукрашены перила.

Внутри перилъ лишь двѣмъ доступъ—
Легковѣйныя одежды,
Пьянень видъ, нетверда поступь,
Полусомкнутыя вѣжды.

На пригоркѣ жрецъ вѣщальный.
Красно-синь кругомъ народъ.
Праздникъ лѣта, день прощальный—
Солнца къ зимѣ поворотъ.

Ночь замкнетъ замками зори,
Ожерелья звѣздъ нанижетъ.
Богъ Ярило къ дѣвамъ зори
Тѣло къ тѣлу—ближе, ниже.

Въ глубинѣ ночной томленья
Поцѣлуемъ изольются.
Въ часъ Ярилы возрожденья
Дѣти міру улыбнутся.

Я хочу отвѣтить кликомъ
На призывъ къ тѣни дубравной.
Но мѣшаетъ страднымъ ликомъ
Скорбный богъ мой, православный...

Ярилинъ вечеръ.

Подъ липами душистыми
Священный старый вязъ,
Съ напѣвами игристыми
Веселый кругоплясъ.
Въ пурпурныхъ одѣянїяхъ,
На темени вѣнки.
Порывисты мельканїя,
Глаза, какъ огоньки.
Красавиць рой волнуется,
Быстрѣетъ хороводъ.
Ахъ! Съ липой вязъ цѣлуется.
Ахъ! Къ намъ никто нейдетъ.
Весной отъ гроздій липовыхъ
Благоуханенъ хмѣль.
Шель, ножкою поскрипываль
Удаль—красавецъ шмель.

Отъ вѣнчика медвянаго
Онъ жажду утолить,
Цвѣтка сердечко пьяное
Занеетъ, заболитъ.
Любовь у дѣвъ проснулася,
Надежды расцвѣли,
Загадка заганулася.
Придутъ-ли къ намъ шмели?
Подъ липами душистыми
Рѣдѣетъ хороводъ...
Торопами росистыми
Толпа мужей идетъ.

Кикимора...

Вѣщесовкой—сѣрой птицей—
Прилетѣла.

Обернулася дѣвицей,
Въ голбець сѣла.

Пряжу тонкую запрядетъ,
Слюнить смѣло.

Ахъ! Кого въ избѣ нарядить
Въ савапъ бѣлый.

Острымъ глазомъ, словно спицей,
Петли нижетъ.
Ножъ крестовый въ потылицу
Или ниже.

Изойдетъ гробовъ жилища
Сукровицей.
Въ лѣто плохо яровица
Сколосится...

Въ лѣто плохо яровое сколосится.
Такъ въ народной старой молви

говорится...

Чуръ — Чуръ.

Вонъ усѣлись нодъ иконой
Домовой и старый пращуръ —
Домовой дюжо согбенной
Хнлокъ дѣдка пращуръ.

Межъ другомъ гуторъ заводятъ,
Шебаршатъ, что мыши.
Дождеканли остро бродятъ
По соломѣ крыши.

Ночь осенняя півявкой
Присосалась къ окнамъ.
Пращуръ, сидючи на лавкѣ,
Домового кокнулъ.

Сноръ рѣшили кулаками,
Воздымая руки,
Что, рожденные чурами,
Стали злобны внуки.

Что не молятся, не просятъ

Снять заботъ тяготы.

На печь въ праздникъ не приносятъ—

Брагу, хлѣбъ и соты.

Чуръ жалился на судьбину—

Не гдѣ де прилечи...

Домовой пошелъ къ скотинѣ...

Пращуръ въ затворъ печи...

С о л н е ч ь .

Покойный Папъ оставилъ мнѣ завѣтъ—
Будь звѣремъ и броди межъ сосенъ.
Послушный волѣ Пана, я раздѣтъ—
Межъ тѣмъ природу акварелить осень.

Болото мѣситъ звонкое копыто.
Какъ корка хлѣба тонкость льда.
Меня любви безгласной любопытна
Влечетъ къ себѣ мерцаніемъ звѣзда.

Въ бору, во мху, на зелени постели
Прилежъ прямой потомокъ Пана я.
Мелькнетъ платокъ за стволомъ томной ели
И похоть загорить моя.

Стальныхъ пружинъ упруге тѣло.
Испуганный несется въ лѣсѣ крикъ.
Срываю платье съ дѣвы обомлѣлой,
Ея цѣлую свѣжій ликъ.

И, благодарная, уйдетъ лишь на разсвѣтѣ,
Сплететъ о лѣшемъ околесь.
Ахъ! Много сказокъ въ бѣломъ свѣтѣ.
Въ лѣсахъ все просто—Солнечь здѣсь.

Миръ мірови даруйте...

Замкнулась ночь. Бя тафта густая
Закрыла міра даль.
На сердце мнѣ, до жути нарастая,
Сошла печаль.

Глаза смарагдъ. Рубиновыя щеки.
Проклятая людьми печаль.
Но сладки сердца волнъ отеки.
Щемяще жаль...

Жаль міръ людской, закинутый въ берлоги
Шестиэтажныхъ городскихъ домовъ...
А міръ такъ свѣтло сотворили боги,
Высокихъ горъ скалистые отроги,
Равнинныхъ рѣкъ широкіе отлоги,
Восходятъ мѣрно, какъ пороги
Великой лѣстницы обители боговъ.

Завѣтъ вамъ мудрыхъ, люди братья!
Покиньте пенель жизни! Смѣло въ даль!
Домамъ берлогамъ бросьте вы проклятье,
Идемте къ міру въ братскія объятія,
И съ сердца скатится щемящая печаль...

Земное...

Магово слово! Да свято оно.
Въ міръ зовется—весна—
Съ ядомъ потайнымъ вино,
Съ острой колючкой блесна.

Сущее пьеть неотрывно отъ чашни
Святое густое пиво.
Сложатся въ трубку губы наши
Быстро и пугливо.

Послѣ страстей бесплодныхъ
Хмурая осень прѣсна.
Въ роздвигѣ губъ холодныхъ
Серебрѣтъ блесна...

Военное...

Червоннымъ вихремъ сыплетъ осень.
Бормочетъ хмуро между сосенъ
Ледяная капель.

Въ лампадѣ Божьей мало масла.
Въ моей душѣ печаль погасла—
Изгнанникъ я теперь.

Гляжу въ безвременьи пугливо,
Какъ орошаетъ сочно ниву
Фонтаномъ алымъ кровь.

Фуроръ тевтоновъ стлитъ черный.
Имъ—варвары—ярлыкъ позорный
И въ глазъ и въ бровь...

Невозвратное.

Сужено ложе царевны Волховы.
Моста стального рѣзныя оковы
Замкнули дѣвичью грудь...

Кончилась сказка... Осталася проза...
Сонъ нарушаютъ свистки паровоза,
Вдаль убѣгающій рельсовый путь...

Было! Ушкуйникъ могученъ и веселъ,
Въ стругѣ осиновомъ съ двойнями веселъ
Дѣвокъ ласкалъ, отъ разбоя уставъ...

Стало! Лядацій потомокъ варяга,
Въ дракѣ кровавой отвѣдавши стяга,
Моется парень у лавъ...

Чистыя воды рѣки почернѣли.

Осередь струйка лишь свѣтится еле...

Слезы царевны Волховы.

Плачетъ царевна въ истомной печали.

Годы и воды свободы умчали.

Злостью желѣзной печаль увѣнчали

Моста стального рѣзныя оковы...

В е л и к о е ..

Вотъ онъ рыцарь длинно-тонкій—
Щеки впали, взоръ горитъ.
Смѣхъ толпы площадно звонкій
Вслѣдъ за рыцаремъ бѣжитъ.

Подъ костлявой грудью бьется
Сердце полное отваги.
За обиженныхъ онъ бьется.—
Эй! Гидальго! Въ руки шпаги.

Но въ толпѣ безумецъ міра
Только хохотъ вызываетъ,—
Такъ всегда въ долинахъ міра
Съ сердцемъ искреннимъ бываетъ...

П о ш л о е...

Ахъ! Карта черна крапа.
Несбыточенъ мой сонъ.
Меня плѣнила шляпа
Фасонъ Наполеонъ.

У ней мужскія губы,
Подглазія темны,
Коричневою тубой
Края острѣлены.

Нога изгибомъ стройнымъ
Уходитъ подъ манто,
Батистомъ непокойнымъ
Все горло повито.

Но держитъ ручку въ лапѣ
Какой-то господинъ.
Тутъ вѣрно дѣло въ шляпѣ
Мой бѣдный палладинъ...

Б ы т о в о е...

Ужъ весенняя скоро пора...
Разбухаетъ деревьевъ кора...
И обычно съ весенней поры
Застучать по лѣсамъ топоры.

Прошибетъ мужиковъ ѣдкій потъ.
Гибкой ивой завяжется плоть.
И по мутной долинности водъ
Поплыветъ на бумажный заводъ.

Отъ урядницкихъ глазъ вдалькѣ
Будетъ кашу варить въ котелкѣ
Православный рабочій народъ,
Что-бъ набить съ голодухи животъ.

Осеребряный яркой луной,
Заберется на плоть водяной.
Проаукаетъ лѣшаго крикъ,
И крестомъ осѣнитъ мужикъ.

Много дней въ неутомномъ трудѣ,
Въ ледяной по колѣно водѣ,
Приведутъ мужики мокрый плоть
На древесно бумажный заводѣ.

А за только что купленный листъ
Бодро сядетъ съ перомъ журналистъ.
Онъ напишетъ статью о трудѣ
Въ ледяной по колѣно водѣ.

Подъ конецъ, прогремѣвъ афоризмомъ,
Что вернулся мужикъ съ ревматизмомъ...

Героическое...

Голубѣетъ стволами осина
Надъ крутымъ ретивымъ косогоромъ.
На лантяхъ навязла глина,
Сарафанъ расшитъ узоромъ.

Издалека прибрела сѣдая,
Китежъ градъ увидѣтъ передъ смертью,
Съ каждымъ шагомъ подвигъ выростая,
Въ зыби къ раю станетъ твердью.

Котелокъ брэнчить уныло звонко.
Сухари крошатся и дубѣютъ.
Луносвѣтъ обрамилъ обликъ тонкій.
Зоревыя звѣзды вечерѣютъ.

Впереди осталась лишь могила.
Взоръ потухъ. Согнуло горе спину.
Духъ все живъ. Одно на думѣ мило —
Красота небесная ея не минетъ.

И плетется по полямъ старуха,
Подвига совсѣмъ не замѣчая.
Гдѣ берется сила духа.
На тебѣ о, родина святая!?!..

Горное.

Вершины черныя покрыты снѣгомъ.
Въ лучѣ вечернемъ сквозить провалъ.
Стремяся горы неслышнымъ бѣгомъ
Туда, гдѣ глянулъ луны овалъ.

Въ хрусталь пещеры идетъ незримый
Крылатый стражникъ лукавыхъ горъ,
Что власть его здѣсь нераздѣлима,
Гласить безумно горящій взоръ.

Но я люблю камней мерцанье,
Рудую желтость червонныхъ слитковъ.
Сильнѣй разсудка мое желанье,
Сосѣдка смерти моя попытка.

И, увѣнчанный златой короной,
Явлюсь съ державой изъ монолита.
Вотъ люди робко подходятъ къ трону,
Но гнать ихъ будетъ надменно свита.

В Н Ъ...

Осенній воздухъ слабъ ли.
Румянѣй ль щечекъ утро.
Роса, какъ ртути капли—
Искристѣй перламутра.

Лѣсъ опушенъ рябиной.
Лиса съ семействомъ рыжимъ
Рысать легко долиной.
Шаговъ шумъ еле слышимъ.

Средь изумрудовъ моха
Залопушился рыжикъ.
На тонкихъ ножкахъ плохо
Ступаетъ стройный пыжикъ.

В н у т р и...

Почему душа моя обнажена
И открыта силѣ сѣвернаго вѣтра—
Бремя быта принялъ я на рамена
Съ сердцемъ легкимъ глупаго птметра.

Лишь закованный въ желѣзную броню,
Выйдетъ съ честью изъ пучины жизни.
Мертвый духомъ, Бога я молю.
О! Творецъ! Живой водой обрызни.

Но, напрасно я молю Творца.
Вѣдь лампаду не зажечь безъ масла.
А холодныя усталыя сердца—
Подъ живой водой и то погаснуть...

В ѣ т р о в о е .

Взапуски носятся бѣлые гребни,
Вѣтромъ подъяты въ свинцовой рѣкѣ.
Парусъ трепещетъ. Пружатся ремни—
Стиснуты твердо въ рукѣ.

Даль—уходящія тускляя тундры.
Близь—зазеленаный дымкою боръ.
Сказки пражителей сумрачно мудры.
Вѣтра съ волнами мудрѣй разговоръ.

Въ токѣ воздушномъ почувялъ я крылья.
Сталью сверкаетъ орлиный мой взоръ.
Рядомъ съ вершиной оснѣженной взмылъ я.
Сыну долинъ—неуемеиъ просторъ.

Дорожное...

Вокзалъ. Затѣненныя лица—
Нѣмые холодныя взоры.
Внутри огоньковъ вереница
Снаружи глухіе заборы.

А поѣздъ. Начало сближеній.
Вамъ, страннымъ желаньемъ влекомый,
Изгибы душевныхъ волненій
Разскажетъ случайный знакомый.

Вы платите той-же монетой,
Пришпорили память, помчались,
И кажется словно-бы гдѣ-то
На свѣтѣ не разъ вы встрѣчались.

Заводы. За ними столица.
Потухли огни разговоры.
Сурово-надменные лица...
Сурово-безстрастные взоры...

Провинціальное...

Городъ окутала нѣга —
Сѣверный градъ, полусонный.
Блестки лиловаго снѣга
Занавѣсъ ткуть похоронный.

Сбоку, и сверху, и снизу
Пушистымъ, разсыпчатымъ хоромъ.
Дома облачаются въ ризы.
Линнуть сугробы къ заборамъ.

Колоколь тонно выводитъ
Вздохи вечерень размѣрно.
Торными тропами бродитъ
Въ храмъ горожанинъ примѣрный

Въ нѣжной тиши акварельной
Комьями рѣютъ вороны.
Шагъ свой прогулки безцѣльный
Лажу въ вечерніе звоны...

Студенческое...

Міръ утонулъ въ молокоѣ.
Суровою сыростью дышетъ,
Трамвайныхъ звонковъ вдальекѣ
Прохожіи не слышитъ.

Въ тѣло никнетъ туманъ.
Кровь разжижается.
Видно и впрямь не обманъ,
Что барометръ понижается.

Въ залѣ студенты сидятъ,
Профессора слушаютъ,
Что волки въ Россіи ягнятъ
Сотни лѣтъ уже кушаютъ.

Туманъ и тоска, и тоска...
Размышленія могильныя.
Скоро-ли хлоннетъ гроба доска
Съ панихидами кадильными.

Отъ свободъ только ключья болтаются.
Хотятъ скорціонами драть.
У столовки коллеги собираются—
Собираются жрать...

Параллели...

ГОРОДСКОЕ.

АРИТМЪ.

Пылью улицы запеленаны.
Призамолкла рѣчь весельная.
На деревьяхъ истома зеленая,
На людяхъ распустиха кисельная.

Спитъ пзвозчикъ, сморившись на пеклѣ—
Снится ему лѣсная дорожка.
Лавочникъ стряпухѣ Феклѣ
Заказалъ ледку къ окрошкѣ.

Отъ лѣни, жары и скуки
Безмысленно флаги свисаются.
Воробьи да дворовыя суки
Въ пыльныхъ кучахъ кушаются...

Параллели...

ДЕРЕВЕНСКОЕ.

АРИТМЪ.

Безконечная тянется нива.
Хоть-бы отъ облачка тѣнь.
Баба жнетъ торопливо.
Поспѣтъ-бы. Удаченъ день.

Сосѣдку крѣпко сморило—
Пошла въ кусты за кваскомъ.
Гармоника ореть крикливо
За ближнимъ лѣскомъ.

По деревнѣ свиньи шатаются...
Попъ съ дьячкомъ пдутъ съ похоронъ...
Здѣсь окрошками не занимаются—
Хлѣбъ, лукъ, вода да сонъ...

М и л о е...

Доля снѣжится.

Снѣгъ искрится.

Я дышу той пылью снѣжной...

Вздохъ груди—снѣжинки таютъ.

Выдохъ— снова снѣжно-пылень.

Есть въ груди моей снѣжинка.

Та снѣжинка мое сердце.

Вздохъ любви—его растопить...

Выдохъ страсти—заморозить...

Экстазное...

Эхъ! Соловьиная почка сонна.
Между стогами дыбится луна.
Вѣтеръ гулливый къ березкѣ приникъ.
Дѣвонька, ясонька, яхонтовъ ликъ!

Я по сараю метаюсь, бранясь,
Памятью прежнихъ свиданій томясь.
Тсъ! Шорохъ слышенъ... Бѣжитъ отъ села—
Гибкая спущена лукомъ стрѣла...

Бѣгомъ бѣжала. Противная матка
Право мой соколъ. Вотъ истинный Богъ!
Полно голубонька, полно касатка.
Что ты! Да я развѣ-бъ могъ...

Остро бормочетъ солощее сѣно.
Вдругъ на лунѣ забѣлѣло колѣно.
Вѣтеръ гулливый къ березкѣ приникъ.
Дѣвонька, ясонька, яхонтовъ ликъ!!..

Страдающій...

Заиграетъ яркимъ полымемъ заря.
Разнесется гулко пѣсня моя.
Повторитъ ее эхо стократъ
И очнется замолкшій садъ.

Зашумятъ листвою густою тополя.
Запуршитъ пескомъ усталая земля.
Задышатъ пряно левкой, резеда.
У меня лишь молодца горькая бѣда.

Сердце, что-ли корявое, что дѣвица
не можетъ любить.
Посоветуйте, цвѣточки, какъ мнѣ быть?

Страдающая...

И стою у колодца
Съ кристальной водой.
И боюсь уколоться
Ледяной иглой.

Заря вечерѣтъ,
Какъ маковъ цвѣтокъ.
Въ водѣ голубѣтъ
Прозрачный ледокъ.

Сестрицы проснитесь --
Покинута я.
Умчался мой витязь
Въ чужія края.

Но нѣту отвѣта,
Вода холодна.
Борьба тьмы и свѣта
На небѣ видна.

Мертвѣтъ въ воротцахъ
Утопшею лицо.
Во льду у колодца
Забыто кольцо...

Старинное...

Вы помните первую встречу въ замкѣ
Рядъ раскрытыхъ настежь дверей,
Ваше лицо было въ рамкѣ
Пенельно сѣрыхъ кудрей.

Быль тяжелъ Вашъ черный вѣеръ,
Какъ скучный старый супругъ.
Вашъ взглядъ былъ суровый сѣверъ,
Ваше дыханье— жаркій югъ.

Въ турѣ вальса Вы мнѣ отдавались
При сіяньи кружащихся паръ.
Голубка! Мы съ Вами попались
Подъ любовный ударъ.

Въ концѣ былъ веселый ужинъ.
Вашъ милый лепетъ ловилъ безъ конца.
И поцѣлуй былъ такъ нуженъ,
Изъ усть перешедшій въ сердца...

ВѢЧНО ОДНО

Милое, скромное дерево Сѣвера!
Въ тихой ложбинѣ надъ крышей овина
Перистый листъ сочтаетъ рябина
Съ сочной тройчаткой румянаго клевера
Рано весной подъ пчелиной облавою
Медомъ зовущая, желтой пушицею.
Крѣпко обнимутся парень съ дѣвицею
Въ сѣни густой подъ рябиной кудрявою.
Въ осени въ пурпуръ горячій одѣнется
Гроздья коралловъ повиснутъ рябинныя.
Сердце мечты растеряетъ невинныя
Осенью на холодъ сердце помѣнится.
Парень въ солдатахъ. Рябина печальная
Звѣздкой пушистой въ морозъ убирается.
Дѣвицѣ тяжко. Слезой умывается.
Гдѣ-же ты? Гдѣ-же, кольцо обручальное.

Городу пѣснь...

Трубы дымятся клубами кудрявыми.
Вспыхнула алая заря.
Миги полны искрометно забавами,
Троицы къ бывшему торю.

Смутно волнуется занавѣсь бѣлая
Наискось въ темномъ окнѣ;
На молодую постель поглядѣла я,
Ежась въ любовномъ огнѣ...

Кубомъ домовъ переполнена улица,
Словно солдаты въ ряды.
Дворникъ метлою сметаетъ, сутулится,
Грязи канунной слѣды.

Мысли мои—неприбранное зало,—
Гнутые стулья утлы,
Грязи и въ нихъ накопилося не мало,
Ждетъ не дождется метлы.

Кровь цѣломудренно пышетъ во мнѣ,
Разгоряченная страстью,
Змѣемъ зеленымъ въ блестящей бронѣ,
Съ дико распахнутой настью.

Шѣню слагаю порыву бездумному,
Въ зорной зеленой тиши.
Городу-ль шумному, сердцу-ль безумному.
Слушатель мудрый, рѣши!..

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Посвященіе	5
Молитва сѣверу	7
Сѣверное	8
Неизбѣжное	10
Болбан-Из	12
Торы-Пэры-Из	13
Незабываемое	14
Чающіе	16
Гонимые	17
Весеннее	18
Неключимое	19
Пожаръ лѣсной	20
Канунъ осени	21
Осеннее	22
Поземка	23
Лѣсное	24
Языческое	26
Ярилинъ вечеръ	28
Кикимора	30
Чуръ-Чуръ	31
Солнечь	33
Миръ мірови даруйте	35
Земное	36

Военное	37
Невозвратное	38
Великое	40
Пошрое	41
Бытовое	42
Героическое	44
Горное	45
Внѣ	46
Внутри	47
Вѣтровое	48
Дорожное	49
Провинціальное	50
Студенческое	51
Параллели: {	
Городское	52
Деревенское	53
Милое	54
Экстазное	55
Страдающій	56
Страдающая	57
Старинное	58
Вѣчно одно	59
Городу пѣснь	60